

Заблуждения Александра Морозова

На днях отмечает 35-летие своей творческой деятельности известный композитор Александр Морозов, автор таких шлягеров, как «В горнице», «Малиновый звон», «Мой голубь сизокрылый», «Камушки», «Душа болит», человек, который помог раскрыть свои дарования Марине Капуно, группе «Форум», Сергею Рогожину и даже Николаю Баскову. Корреспондент «России» встретился с Александром Сергеевичем накануне его юбилейного концерта в Кремлевском дворце, где песни композитора исполняют легенды отечественной эстрады и молодые талантливые исполнители.

Россия, 2003 - 21 марта - с. 13

— С какими чувствами вы приходите к столь знаменательному юбилею?

— Я очень рад, что свой творческий юбилей отмечаю на самой большой площадке страны, в Кремле. Я пригласил тех исполнителей, которые поют мои песни на протяжении 30 с лишним лет. Это не только ветераны нашей сцены — Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха. Мне также захотелось привлечь молодых исполнителей, которые уже являются звездами и которые в середине 80-х, во времена «Форума», были фанатами этой группы. Мне показалось, будет очень любопытно, если состоявшиеся артисты спустя 20 лет исполнят на эстраде те песни, от которых они фанатели тогда. Допустим, многие вещи из репертуара «Форума» прозвучат в исполнении группы «Чай вдвоем», Тани Булановой и других. И весь концерт будет иметь такую концепцию: песни прошлых лет — в новом исполнении. Я уверен, что когда сегодняшние школьники от родителей слышат песню «В горнице моей светло» или «По камушкам», то они не догадываются, что у этих песен есть автор. Они их воспринимают как народные. И для автора это очень приятно.

— Правда ли, что один из ваших первых вокальных дебютов в детстве — это исполнение хулиганских песен под елкой?

— Да, действительно... Мне было лет пять, и я на Новый год очень самозабвенно пел песню «Сажу на нарах, как король на именинах...». Ее знает все старшее поколение. Мама моя не ожидала, что я знаю слова этой песни, мне здорово влетело за нее. Но я ее не мог не спеть, потому что мне очень хотелось понравиться гостям. И я взял самую популярную песню, которая во дворах звучала. В результате мама на многие годы отбила у меня охоту к исполнительству.

— Однако с начала 90-х годов как певец вы выступаете весьма успешно.

— Есть такие песни, которые мне хочется исполнить самому. Но я не ставил целью сделать из этого бизнес, как в свое время это сделал Слава Добрынин, поставив исполнение своих песен на концертную основу. На авторских встречах со зрителем я, конечно же, пою сам. Некоторые песни мне удаются. Например, известны именно в моем исполнении «Лишь бы мама моя жила», «Хрустальные цепи». Я почувствовал, что я сегодня тоже имею право голоса как исполнитель.

Дочь композитора Саша продолжает семейную традицию. Она пробует себя в качестве джазовой певицы

— Есть ли, на ваш взгляд, какой-то секрет актуальности песни или исполнителя?

— Может быть, и можно вычислить среднеарифметический вариант, но это не дает гарантии того, что песня будет популярна много лет, как многие песни «Битлз», например. Искусственные проекты могут проскочить на какой-то волне популярности, но они вместе с модой так же быстро и уйдут.

— Долго ли продержатся «Тату», на ваш взгляд?

— Мне кажется, это чистый вариант шоу-бизнеса, который попал на волну, в общем-то, довольно спекулятивную. Я не считаю это халтурой. Можно только порадоваться за продюсеров, которые грамотно выкруливают этот проект, но мне очень бы хотелось, чтобы дуэт нашел какие-то новые краски в своем творчестве. Нет, я, конечно, прекрасно отношусь к людям нетрадиционной сексуальной ориентации. Среди геев у меня много друзей, я никак не абстрагируюсь от них, уважаю и понимаю, что это их право. Но когда это начинает тиражироваться и возникает ощущение, что геи — это вся страна, вот это уже неправильно.

— В свое время вы во многом помогли Николаю Баскову найти свое место на эстраде...

— Я просто помог ему сориентироваться. Потому что у Николая была большая проблема, кем ему становиться — оперным певцом или эстрадным. Я давно почувствовал, что у нас на эстраде не хватает таких голосов. Но не только я, это чувствовали многие. Ведь Россия всегда была оперной страной. И когда я

увидел на одном шефском концерте в госпитале Бурденко этого исполнителя, мне показалось, что он тот человек, который может стать Гагариным на нашей эстраде. Получился уникальный синтез. Вряд ли можно себе представить, чтобы Децил спел те партии, которые поет Николай Басков. Плохо или хорошо о нем говорят — Басков занял свою нишу. То же самое произошло 30 лет назад, когда появился Магомаев. Ведь миллионная аудитория просто с ума сходила, конная милиция стояла на его концертах. Я не говорю, что Басков является сегодня эталоном, вершиной, но он оказался в нужное время в нужном месте. Ведь десятки тысяч людей по всей России учатся вокалу, оканчивают музыкальные училища, консерватории. Эти люди в шоу-бизнесе не участвуют, но им тоже хочется быть востребованными. И какой-нибудь студент, например, Саратовской консерватории может сказать: «А я пою не хуже Баскова». И, возможно, он прав. Его это стимулирует, у него появляется надежда, вырастают крылья.

— А правда ли, что в 80-е вы выступили в прессе с нападками на самостоятельную рок-группу, развернув тем самым мощнейшую полемическую?

— Я, конечно, не могу себе это ставить в заслугу. Я заблуждался, но говорил по совести. Это была одна статья в известном издании, дискусионная. Закономерно, что я был воспитан на другой музыке, на советской песне, сложились какие-то стереотипы относительно песенного жанра. И когда я слышал

какие-то абсолютно новые сложные и мне непонятные формы, я высказывал просто свое мнение — что я этого не понимаю, как этого не понимали и многие, и что это, может быть, не заслуживает такого широкого распространения. После этого пошла целая волна прений, и я был отвергнут рок-тусовкой. Однако, чтобы понять до конца это явление, я стал специально ходить на концерты рок-клуба, и мнение мое изменилось. Я и Цоя очень много тогда слышал, и Гребенщикова (кстати, с ним пытался контактировать и найти общий язык), мне всегда нравился Шевчук. Конечно же, в моей голове произошла тогда какая-то переоценка. Подтверждение этому — то, что я пригласил из того же рок-клуба в группу «Форум» Виктора Салтыкова, а потом Сергея Рогожина из «АукцЫона».

— Есть мнение, что успех будущего шлягера можно каким-то образом просчитать и все зависит от опыта композитора. Так ли это, на ваш взгляд?

— Мне кажется, это лотерея. Когда Давид Тухманов писал песню «День Победы», вряд ли он мог предсказать, какого масштаба популярности она достигнет. Потому что мы, композиторы, часто не знаем, насколько удачна песня, можем ошибаться. В истории примеров много. Я дружил с Василием Павловичем Соловьевым-Седым. Он рассказал мне случай, как они с Матусовским просто выбросили в корзину песню «Подмосковные вечера», которую посчитали неудачной. Потом, случайно прозвучав в документальном фильме, эта песня стала всенародной. Это загадка, тайна творческая, которая и придает нашей работе азарт, интерес и ощущение непредсказуемости.

— Это ощущение у вас осталось до сих пор?

— Да, я ловлю себя на мысли, что сегодня работаю так же увлеченно, как и 30 лет назад. Если посмотреть со стороны на меня и на поэта Анатолия Поперечного, с которым я работаю, в момент нашего творчества, то это очень забавное зрелище. Может просто показаться, что мы ненормальные люди. Ведь происходит все стихийно, интуитивно. Это можно сравнить с состоянием влюбленности, а оно приходит и в 20 лет, и в 40, и в 60. Если творчество идет от любви, от открытого состояния души, оно выглядит всегда естественно и вне возраста. И тогда есть ощущение, что не стоишь на месте.

Беседовал Владимир Чебурахов

Морозов Александр (внук)

21.03.03